

Реки впадают в море

Татьяна Сергеева

От маринистов обычно ожидают изображений морской стихии и кораблей. А вот Сергей Бакин — «речной» маринист. Он ничего не сочиняет, а находит вдохновение для своих картин в петербургских реках.

Сергей зарисовывает забытые причалы на Малой Неве, лодки на Смоленке, старенькие деревянные дебаркадеры на Большой Неве, обветшавшую, но все еще красивую усадьбу на Оккервиле, некогда бывшем — невозможно в это поверить! — судходной и оживленной рекой в предместье города. Речные пейзажи Сергея Бакина необыкновенно поэтичны, хотя всегда непарадные. Но его историческая память приподнимает неброский мотив до значимого и ностальгически пронзительного.

Художник подмечает благородную соразмерность Невы и ее береговую застройку. В легкой, почти эскизной манере он дает очертания особняков, промышленных зданий, доходных домов, которые тесно пригнаны друг к другу. Сергей выделяет плоскости брандмауэров, точными движениями кисти, угля или мелка пастели намечает классический декор петербургских фасадов. Ему чужда мелочная законченность. Иногда, торопясь передать впечатление или схватить мелькнувший образ, художник лишь обозначает архитектурные формы, сохраняя

их основу. Он выбирает неожиданные, но оправданные цветовые созвучия, соблюдая благородную и суровую меру. Если пристально взглянуть в те его работы, что кажутся монохромными, можно удивиться тому, как сложно он замешивает краски... Петербург для него всегда цветной город. В набросках, сделанных во время долгих прогулок по набережным, он почти достигает завершенности, и кропотливая работа в мастерской ему не нужна. Просто на давно знакомых и любимых берегах он чувствует и находит свое.

Чтобы выделить величественный простор Невы, Сергей часто использует фронтальную композицию. Нева кажется особенно значительной, когда художник выбирает еще и вытянутый формат, вписывая в невскую воду, например, длинный силуэт сухогруза. Он часто пишет Синопскую набережную, бесконечную череду ее домов. Обращение к Синопской происходит не только потому, что рядом находится его мастерская. Он хорошо знает историю этого места, некогда столь значимого для Петербурга-Петрограда. Это бывшая Калашниковская

Лавра, осень. 2014 г.

Баржи на Неве. Белые ночи, 2000 г.

Проспект Бакунина. Ночь, 2012 г.

На фестивале современного искусства. Екатеринбург, 2014 г.

Бориса и Глеба на судах через Ладогу на Валаам. Церковь эта, любимая приневскими купцами, стояла прямо у Невы, в створе Калашниковского проспекта, ныне проспекта Бакунина. Ее не стало перед войной. Но ведь художник может видеть сквозь стены. И сквозь десятилетия...

Вглядываясь в фасады уцелевших зданий, многие из которых относятся к так называемой промышленной застройке, Сергей безошибочно находит в них знаки старого Петербурга и его культуры. Все, что касается родного города, очень важно ему, будь то книга о старых фабричных зданиях или пленэр в защиту Уткиной дачи, той, что так забыто и уединенно стоит

набережная, в прошлом главный зерновой терминал столицы Российской империи. Художник чувствует особенную энергетику этого места. Здесь жили и трудились мастерские и инженеры, подрядчики и купцы, крючники и кидальцы... Здесь было много церквей, а главная из них, Александро-Невская лавра, по счастью, стоит и поныне. Сюда съезжались паломники, отправляясь от церкви

в излучине Оккервилья. Он понимает, что, к сожалению, как время, так и равнодушные чиновные люди способны стереть с карты города петербургскую старину. И через свое творчество: картины, пастели, рисунки — торопится сохранить, удержать в нашей памяти ее грани. А Петербург, словно в благодарность за такое честное подвижничество, дает ему в ответ новые силы.

